

Секция

«Нечеловеческая социология: во власти искусственной социальности»

Модератор Кулешова Анна: Добрый день, коллеги. Покажу вам несколько слайдов. Не буду их комментировать, потому что, во-первых, ответы будут даны на следующих слайдах, во-вторых, это возможность попытаться самостоятельно понять, кто на фотографиях, реальные люди или сгенерированные нейросетью. Существуют они на самом деле или нет. Почему такой неожиданный пример? Когда мы задумывали секцию, часть социологов сказали, что нет никакой искусственной социальности, и искусственного интеллекта тоже на самом деле нет. Разговаривать-то, собственно, не о чем. С моей же точки зрения, мы имеем такую реальность, в которой пройден тест Тьюринга, в которой создаются такие портреты, по которым не всегда можно понять, человек перед тобой или образ, сгенерированный искусственным интеллектом. И мы не всегда можем понять, с кем ведется коммуникация. Кроме этого, появляются новые вызовы, с которыми мы ранее не сталкивались и о которых ранее не задумывались, а задуматься, мне кажется, стоит.

Ну, и еще важный момент. Мы наблюдаем очень разное прочтение того, что является искусственной социальностью, искусственным интеллектом, разными социологами. Есть и банальное отрицание этих явлений, и понимание их каждым по-своему, видение за ними вызовов, страхов, опасений. Кто-то видит новые возможности и для людей, и для социологов, кто-то ограничивается страхом. И большой вопрос, как мы все это назовем, что мы с этим будем делать. Понятно, что как-то это влияет на наши исследования, ну, те же чат-боты, построенные на искусственном интеллекте, достаточно часто применяются социологами, но как они работают, чему они учатся — здесь происходит серьезный разрыв в понимании. Социологи могут ставить задачи, но как это работает все, получается, знают только айтишники.

Поэтому на секцию приглашены два представителя сферы IT, один, Александр Дмитриев, из IBM, IBM — та компания, которая занимается разработками искусственного интеллекта, одна из немногих в мире, и Олег Грешнев, компания VINGRID, инженер-исследователь и разработчик искусственного интеллекта. К сожалению, мы узнали, что Александр Дмитриев из IBM заболел, но вот сейчас коллеги провели короткую консультацию, Олег Грешнев представит доклад Александра Дмитриева.

Поднимите, пожалуйста, руки, у кого получается регулярно угадывать, кто перед нами, человек или нейросеть? Всего два человека, да? Хорошо. Кто считает, что это настоящая девочка? — поднимите руки. Нет, это результат работы нейросети. Но это-то точно наша знакомая, да? Нет, это тоже вымышленный человек. Вот такая небольшая иллюстрация к тому, что перед нами, и насколько мы опознаем эту искусственную действительность и ненастоящую реальность, насколько мы способны ей симпатизировать, опознавать как действительно существующую, знакомую и близкую. Напомню регламент, десять минут на выступление, а далее у нас будет свободный микрофон и, я надеюсь, состоится дискуссия. Мне известно, что у нас очень полярные мнения будут представлены в рамках сессии, поэтому призываю всех

соблюдать нормы академической этики, делового общения, оставаться в рамках деловой дискуссии.

Приглашаю первого докладчика — Наталья Трегубова, она из Санкт-Петербургского университета, лаборатория «Тандем». Не так давно вышла ее статья в журнале «Мониторинг общественного мнения» про искусственную социальность. И я могу сразу сказать, что, собственно, она и вдохновила на эту секцию. Потому что пошли в редакцию звонки: «Господь с вами, нет никакой искусственной социальности, искусственного интеллекта нет». И когда я разговаривала с коллегами-социологами, я поняла кое-что важное. Человек, который ругался, он имел представление об искусственном интеллекте такое, какое оно было где-то до 1979 года. И тогда действительно была гипотеза, что искусственный интеллект создать невозможно. Но никто на тот момент не предполагал, что появится интернет, и что к нему подключится столько людей, что обучение будет идти через анализ как раз тех коммуникаций, которые происходят в сети интернет. И, собственно, тот искусственный интеллект, о котором мы говорим сегодня, он, получается, имеет несколько другой портрет.

Передаю слово Наталье.

Трегубова Наталья: Большое спасибо! Доброе утро, уважаемые коллеги. Рада видеть вас всех. И для меня большая честь открывать эту секцию, быть сегодня на Грушинской конференции. Сразу хочу сказать, что я здесь одна, но я представляю наш исследовательский коллектив, в который входят Резаев Андрей Владимирович и Стариков Валентин Сергеевич, все, что я представлю, это будут наши общие разработки. У моей презентации две цели. Первая — просто прояснить понятия, дать предварительное определение тому, что мы понимаем под искусственной социальностью. А дальше, уважаемые докладчики и аудитория, можете соглашаться или дискутировать с этим определением. А второе: показать, что многие вещи, которые мы встречаем в нашей повседневной жизни независимо друг от друга — социальные сети, такие как бы веселые игрушки, распознающие лица в этой сети, голосовые помощники, умные часы, возможно, какие-то роботы... Все эти вещи связаны между собой, сплетаясь, они образуют ту самую искусственную социальность, о которой я и буду говорить.

Какие еще вопросы я бы хотела обсудить. Во-первых, дам предварительное определение, что же я понимаю под искусственным интеллектом, искусственной социальностью. Далее сформулирую аргументы за и против вхождения искусственной социальности в жизнь людей. И это будут нормативные аргументы, которые говорят, хорошо это или плохо, они взяты из научно-популярной литературы. Это то, что лежит на поверхности наших повседневных миров. И в завершение хотелось бы задать вопрос о том, как, собственно, перейти от нормативных оценок к постановке научных проблем, и способна ли к этому социология.

Итак, сразу следует сказать, что искусственный интеллект можно понимать в двух смыслах, в сильном и в слабом. Про искусственный интеллект в сильном смысле слова я говорить сегодня не буду. Искусственный интеллект, в сильном смысле слова, это такой же интеллект, как у человека, способный решать широкий круг задач, имеющий картину мира и так далее и тому подобное. Часто люди имеют в виду именно этот искусственный интеллект, но непонятно,

возможен ли он вообще. И дискуссия о нем — это дискуссия скорее для философов, чем для социологов, и даже, возможно, и для компьютерщиков. Я буду говорить про реально существующие технологии, про то, что понимается под искусственным интеллектом в обыденном языке. Это технология, решающая узкие задачи.

В чем же их особенность? Если мы посмотрим на словарные определения, то искусственный интеллект определяется как область исследования особого поведения машины и как само такое поведение. Его ключевая особенность в том, что это поведение имитирует какие-то выполнения или выполняет какие-то задачи, обычно связанные с применением интеллекта — распознавание визуальных образов, распознавание речи, перевод с одного языка на другой, решение логических задач и так далее. И почему это интересно нам? Потому что искусственный интеллект, который ранее решал узконаправленные задачи, сейчас все больше и больше становится агентом и посредником во взаимодействии между людьми.

И действительно, как правильно сказала Анна, эта тенденция неразрывно связана с появлением интерната. Потому что именно в интернете зачастую — хотя и не только — это происходит, именно из интернета эти самые искусственные нейросети берут данные, без которых они не могли бы работать. Соответственно, искусственную социальность мы определяем как эмпирический факт участия агентов искусственного интеллекта в социальных взаимодействиях, будь то материальные или виртуальные агенты. Само это понятие было введено немецким исследовательским коллективом под руководством Томаса Мальтуса в 1990-е годы, но они понимают его более узко, связывают только с интернетом, а мы даем более широкое определение.

И, соответственно, явления искусственной социальности вызывают большой интерес в исследовательской и научно-популярной литературе. И здесь могут быть выделены три аргумента «за» и пять аргументов «против». Первый аргумент «за» — онлайн-среда с ее алгоритмами способствует новым возможностям для общения и коллективной самоорганизации, например, для решения каких-то местных локальных проблем. Второй — онлайн-среда и гаджеты, например, умные часы, позволяют человеку больше узнать о себе, поскольку эти устройства постоянно собирают данные, анализируют их и сравнивают с данными других пользователей. Соответственно, это позволяет нам эффективнее организовать нашу жизнь, более рационально. И, наконец, онлайн-среда предоставляет более равные возможности для получения образования, для выполнения какой-то работы, для поиска этой работы. И здесь тоже не последнюю роль играют сортирующие и направляющие нас алгоритмы, которые в каком-то смысле делают нашу работу за нас.

Ну, вот самый простой пример: как мы выбираем билеты на самолет? Мы заходим на какой-то сайт, который сравнивает билеты с других сайтов и выдает нам информацию. Этот сайт делает нашу работу за нас, только у нас бы она заняла десять часов, а у него — десять секунд. Тем не менее есть аргументы против искусственной социальности. Во-первых, парадоксальным образом, можно говорить, что увеличение онлайн-коммуникаций приводит к умножению одиночества, к тому, что люди имеют все меньше социальных контактов. Эту

тенденцию можно наблюдать и в социальной робототехнике, когда, например, разрабатываются роботы для ухода и для общения с пожилыми людьми. То есть и здесь человеческие контакты сокращаются. Во-вторых, онлайн-среда порождает нарциссизм и идеологическую закрытость.

Здесь отошлю к феномену информационных пузырей, когда Facebook предлагает нам только ту информацию, которая похожа на ту, которая нам раньше нравилась, или которая была нам раньше знакома. Ничего нового мы увидеть не можем, или это очень сложно. Третий аргумент заключается в том, что онлайн-платформы направлены на извлечение прибыли, а не на нашу пользу, поэтому мы там проводим слишком много времени и тратим слишком много денег, больше, чем нам самим хотелось бы. Четвертый аргумент состоит в том, что онлайн-технология, в сочетании, опять-таки, с этими новыми гаджетами, собирает о нас очень много информации, но мы не всегда знаем, куда эта информация ведет. Поэтому эти технологии нарушают приватность. Наконец, некоторые исследователи заявляют, что онлайн-среда, в которой действуют алгоритмы искусственного интеллекта, подрывает демократию, поскольку ослабляет гражданское участие и активность людей в отношении своей страны.

И чтобы не быть голословной, вот некоторые самые важные работы, на которые мы ссылались и из которых мы извлекали эту аргументацию. Они отчасти пересекаются, отчасти посвящены разным вопросам. Соответственно, это все замечательно, но это то, что более или менее лежит на поверхности и более или менее широко обсуждается. Как нужно отсюда перейти к собственно исследованиям? Что нужно сказать? Анна упомянула нашу с профессором Резаевым статью в журнале «Мониторинг общественного мнения», там мы проводили предварительные исследования того, как же социологи исследуют искусственную социальность, и мы сделали два вывода. Во-первых, социологи не поспевают за исследованиями искусственной социальности. Социология — это чуть ли не последняя наука, которая включилась в анализ этого поля. И второе: многие из исследований происходят вне дисциплины, либо в чисто прикладных исследованиях, например, как помочь пожилым людям осваивать новые технологии, либо в меж- и внедисциплинарных полях — от исследования интернета до трансгуманизма, который сейчас вполне активно развивается. Соответственно, не очень понятно, какова же здесь наша роль.

И в завершение мне бы хотелось поставить три вопроса. Первый вопрос — как, собственно, перейти от нормативных оценок к постановке научных проблем? Здесь я бы хотела вспомнить классическое исследование Эмиля Дюркгейма, исследование самоубийства. Дюркгейма нельзя назвать морально нейтральным социологом. Из его работ видно, что он ценит, чего он хочет и чего не хочет. Но, тем не менее, он использует социологическую теорию, чтобы понять, как на такое морально нагруженное явление, как самоубийство, можно посмотреть с точки зрения того, как оно выявляет ключевые тенденции изменения современных обществ.

Но общества поменялись, соответственно, следующий вопрос: какие у нас есть теоретические и методические инструменты, чтобы измерять, исследовать эту искусственную социальность. И, на наш взгляд, ключевая проблема заключается в том, что у нас есть эти агенты искусственного интеллекта, которые

не равны людям, думают не так, как люди, однако обладают некоторой автономностью в мышлении, в принятии решений, и они делают некоторую работу за нас. Вот как их включить в теорию так, чтобы не уделять им такую же роль, какую мы уделяем людям, потому что это не люди, а с другой стороны, чтобы полностью не игнорировать и не сводить просто к технике, как к посреднику между людьми.

И, наконец, последний вопрос — что же будет с дисциплинарными границами, куда идет социология, идет ли она куда-то, растворится ли она в этих междисциплинарных и внедисциплинарных полях, или что-то она все-таки может предложить в изучении этой новой реальности? Спасибо за внимание. И совсем в завершение мне хотелось бы сказать, что мы продолжаем наш исследовательский проект, мы делаем экспертные опросы людей, которые исследуют или занимаются разработкой, распространением технологий, связанных с искусственной социальностью. Если кто-то из вас считает себя экспертом, я с радостью возьму у вас интервью. Спасибо еще раз.

Модератор: Спасибо большое за доклад. Приглашаю сейчас к нам Петрову Ирину Эдуардовну, она заведует кафедрой прикладной социологии Нижегородского университета. В докладе Натальи прозвучало про социальную робототехнику — я так поняла, Ирина Эдуардовна расскажет, как это работает и как формирует искусственную социальность.

Петрова Ирина: Добрый день. Я хотела бы сказать, что мы действительно подошли к искусственной социальности со стороны социальной робототехники. Это действительно был достаточно прикладной проект, больше касающийся социальной помощи и того, как социальные роботы могут быть здесь применены. И поэтому мы совмещали здесь всевозможные прикладные элементы, я сама радиопизик, и потом уже социальный специалист по социальной работе и социолог. Для меня это был такой вот комплексный, очень интересный проект. Но, конечно, после того, как мы общались с айтишниками, с робототехниками со всего мира, на многих мировых конференциях, я поняла, что у меня есть достаточно личное отношение к тому, как я общаюсь с роботом. И вот именно с этой стороны я бы хотела объяснить наш подход к искусственной социальности.

Прежде всего, действительно социальная робототехника становится пространством, или это искусственно и социально сформируется. Как нам кажется, формируется она с двух сторон. Ее формирует не только то ожидание от роботов, что мы налагаем на наших будущих, желаемых нами социальных роботов, но и, собственно, с нашей стороны, когда мы подходим к взаимодействию с этими роботами. Если бы вы себе представили такую дверь, на которой написано: «социальный робот», вы входите, и кто-то там, что-то там, прошу прощения, должно быть, то вот что бы вы себе представили?

Наверное, сейчас вы бы представили такого достаточно дружелюбного Андроида — просто если бы на этой двери было написано «социальный робот». Если бы там уже было написано «начальник управления», к которому вам нужно прийти, и он для вас статусно выше — вы ожидаете там увидеть социального робота, такое взаимодействие в принципе нам предрекают, наверно, у вас были бы другие ожидания. А если бы там действительно вы ожидали увидеть какое-то дружеское взаимодействие, даже более того, как нам тоже объясняют, возможно,

люди могут быть заменены социальными роботами, я против этого, но кого бы вы ожидали? Вот есть бельгийский робот, специально заточенный под отдельные взаимодействия, кибервзаимодействия, в такой вот начальнической позиции. Вот, собственно, тоже вариант.

Да, нам говорили о том, что может быть гендерно не нейтральная социальная робототехника. И даже когда-то у НАО был такой вот, ну, была такая попытка. Не говоря о том, что, прежде всего, в социальной робототехнике вот уже сейчас, а не в 2005 году, мы предполагаем, что есть какая-то эмоциональность, есть какая-то социальность, есть какое-то именно социальное взаимодействие, социальный интеллект. Как вот представляется, эта картинка используется во многих смыслах, ну, и, в том числе, условно говоря, в семейном взаимодействии робототехническом. Поэтому аспектов здесь очень много, и, прежде всего, вот эти 2 аспекта, которые я бы хотела осветить быстро, это вычеловечивание робота, которое происходит, да, люди осуществляют некоторый вот такой эмоциональный перенос. Ну, конечно, роботизация пользователя, в которой не признаются, как правило, робототехники, не признаются многие айтишники. Они считают, что они готовят роботов, удобных для пользователей.

Вот для меня, прежде всего, ощущение достаточно обоснованное, с моим образованием, бэкграундом, что они готовят роботизированных пользователей, и для них их роботы вполне подойдут, да. Человек должен подготовиться для встречи с этим роботом. Чуть дальше я расскажу, но, может быть, вы сами были в такой ситуации, когда вам говорили, что вы должны подойти прямо, вы должны смотреть на маску этого робота прямо... вы, пожалуйста, не отвлекайтесь, не говорите в сторону лишнего, не жестикулируйте. Конечно, сейчас будет продвигаться разработка, да, и они, может быть, будут лучше взаимодействовать, но мы себя уже ощущаем с такой позиции, что мы должны понравиться этому роботу, условно говоря, мы должны подойти ему. Кроме того, мы пытались изучать отношение доверия, и тоже с двух сторон.

У нас был совместный проект с одним из наших соотечественников, который возвращался в Россию по программе привлечения, потом уехал, и мы до сих пор рассматриваем отношения. Мы — со стороны, условно, социальной; он — со стороны математического обсчета. Как это будет, когда робот может, например, опустить какой-то предмет в руку человека и понять, что он может его отпустить — это, условно, акт доверия. Насколько человек доверяет этому роботу? Ну, и, конечно, возникают этические вопросы в этих отношениях, в том числе оформление их как субъектов права: это действительно так, регистрация отношений человека и робота во всех возможных отношениях. Я придерживаюсь условной классификации того, что такое социальность у робота, в чем он должен быть социальным. Конечно, это социальный интеллект. И я просто здесь цитирую диалог — с учетом дискурсивных особенностей и при всех возможных вариантах, которые мы используем в диалоге, и, конечно же, этический аспект взаимодействия с людьми.

Так вот, что еще оценивается исследователями и на что мы тоже обращаем внимание? Вот прозвучало здесь, и я очень рада, что Наталья сказала об этом. Прежде всего, мы ожидаем, что будут социальные последствия, и последствия именно в сторону **от** умножения одиночества.

Чуть позже я вам покажу робота, с которым я почувствовала, что ли, это гораздо более обоснованно. Люди будут, скорее всего, отказываться от общения с людьми в пользу роботов. С другой стороны, почему вообще создают этих роботов, например, для одиноко проживающих пожилых? Потому что уже не хватает людей в этой сфере, для того чтобы общаться с этими одиноко проживающими. То есть Япония начала производство этих роботов, потому что не хватает людей для человеческого общения. Конечно, хотелось бы, как и российские исследователи-айтишники говорят, учитывать ментальность социализации роботов. Существует проект в Дубне, который пытается в нейросеть вложить некоторую российскую ментальность, это получается очень интересно, и немножечко забавно.

Так вот, самое главное, на чем бы я хотела сейчас остановиться: в первой части я говорила о том, как мы подстраиваем роботов для нас, а с другой стороны, как мы себя подстраиваем. Во-первых, это определенное поведение с точки зрения того, как я общаюсь с роботом. Я должна контролировать, насколько я нахожусь в захвате его видеосистемы, достаточно ли хорошо я артикулирую, чтобы его аудиоблок мог меня распознать, не отвлекаюсь ли я в сторону, не затрудняю ли я распознавание своих жестов. Конечно, должны быть дополнительные знания. Как правило, и людей инструктировать нужно перед тем, как они будут работать со сложным роботом, при этом не все роботы — носители искусственного интеллекта в сильном понимании. Использование гаджетов необходимо в некоторых случаях, тех же одиноко проживающих учат управлять, например, если робот достаточно удален, он в соседней комнате, да, с ним надо контактировать с помощью гаджетов. И, с другой стороны, эмоциональное отношение к роботу.

Это является просто необходимостью человеческой природы. Может быть, это даже излишне, когда мы человека инструктируем, даже при том, что мы хотим формировать некоторое отношение, доверие. И вот теперь уже немножечко о конкретике, и этим я завершу. Мы использовали для изучения взаимодействия совершенно разные платформы. Мы понимаем, что их уже, наверное, до 500 теперь есть, и они разные. Мы, конечно, могли испытывать, использовать только то, что нам доступно. Про модели, которые у нас в университете, говорим: вот этот живет у нас в шкафу, вот этот живет в шкафу на факультете ИТ. Понятно, что мы их уже как-то очеловечиваем, относимся к ним, как к **авторам**. Встреч сейчас уже гораздо больше, мы проводили их и для детей с аутистическими расстройствами, и для здоровых, и для детей, которые живут в семьях со **сниженным эмоциональным, что ли, ассортиментом**, и поэтому уже имеем отзывы от психологов, от специалистов по социальной работе.

Как минимум, из тех выводов, которые я могла бы сделать, шагающие Андроиды, которые представляются человеку, во-первых, выше его, сильнее его и мощнее по интеллекту, воспринимаются как угроза. Необязательно вот какой-то конкретный момент, но они выше, сильнее, мощнее. Поэтому человек относится к ним гораздо настороженнее. Даже НАО — известный эксперимент, который проводят томичи, — когда **[его выпускают]** в неподготовленную толпу, люди начинают просто расходиться, убирают детей, говорят: «Он тебя ударит». Этот эффект всегда срабатывает.

Следующее: специальное поведение. Например, для одиноко проживающих мне очень нравится модель Молли, Бристольская лаборатория. К сожалению, все это оканчивается только одним-единственным экземпляром. Как правило, разработка, грант закончен, экземпляр представлен, промышленного производства не будет. В общем-то, тумбочка, да, видеоблок, аудиоблок, условно похожест на человека. Ну, и планшет — для того чтобы легче общаться. Не надо никаких рук, ног, как это условно есть у НАО, чтобы он долго ходил по смартхаусу, если кто-то видел этот ролик. И с ней общаются, как со служанкой. Ей говорят «кыш» — и она уезжает в угол, становится на заправку. И вот поймите, что это все воспринимается как уже фольклористика, наверное, но для меня было интересно.

Я была с эрготерапевтом и разработчиком этого робота, вот мы втроем разговариваем. Она уехала, эта Молли, встала на заправку в конец комнаты. И мы буквально чуть громче хихикнули, говорили о конференции, и вдруг из угла раздаётся: «повторите, пожалуйста, я не расслышала последнего слова». Настолько неожиданно, настолько удивительно. Они начали ей кричать: «Молли, как ты можешь, как ты смеешь входить в наш разговор, мы же сказали тебе кыш». Я бы сказала, это не очень хорошее слово, но это может использоваться в каких-то отношениях, ну, почти как к рабыне, к служанке. Еще прошло пять минут, она стоит там, выключилась, как нам всем кажется. И вдруг она говорит: «Извините, пожалуйста, я бы хотела сказать, дополнить вас».

Мы были потрясены. Разработчики тоже были потрясены. Я бы не хотела, честно говоря, такого робота поставить каким-то одиноко проживающим родственникам. Через два месяца после общения с ней они не смогут уже общаться просто на равных со своими детьми и внуками, я так полагаю. Молли — сервисный робот, который точно воспринимается слабее человека по интеллекту, но не по мощности. То есть люди опасаются, что она может наехать, причинить какой-то вред. Вот хочу посмотреть на вашу... Ага, нет никакой эмоциональной реакции.

...Вот этот робот живет у нас в шкафу. Мы собирали его вместе с бельгийцами и показывали в Сколково на конференции в 2015 году. [Там были] в основном айтишники, робототехники, мужчины, я бы сказала, великолепного здоровья, великолепного настроения, хорошего развитого интеллекта, 50, старше, 40, старше, у них были лица такого вида, что, мол, это вот ужасно, какой-то уродец. Они нам так потом и рассказывали, что это такое. Я вам могу сказать, что это робот специально для детей с аутистическими расстройствами. Он воспринимается как ребенок, он такого же приблизительно размера, он не воспринимается как угроза. Его очень любят дети, они его обнимают, целуют, провожают, расстраиваются, если вдруг у него какая-то задержка — например, уголки рта не поменяли положение, а надо было. Управляется извне, милый, добрый и очень хороший. Конечно, сложный внутри, но снаружи этого не видно.

Поэтому не надо особенной подготовки для того, чтобы работать с таким роботом, не возникает никаких сложностей. Но все-таки когда мы увидели, как ребенок его сжал, и робот застыл у него, застыл... вот эта удивительная улыбка, и все, он перестал двигаться. У нас было ощущение — ребенок убежал, что он прям сердце наше унес. Да, мы его уже очеловечили. Конечно система достаточно сложная для того, чтобы с ними общаться, и человеку приходится изменять как-то,

даже изменять свой интерфейс, как пишут российские исследователи. И, конечно, происходит это очеловечивание. То есть нам суровые робототехники, опять-таки, 50 и старше, говорили: «Я всегда здороваюсь со своим роботом, когда приезжаю с командировок, спрашиваю, как он жил здесь, тискаю его, целую, обнимаю иногда даже».

И, конечно, роботизация пользователей. Я просто только отмечу вот эту позицию, что мне, например, стала интересна гораздо больше вот эта сторона киборгизации — экзоскелет, использование протезов и, возможно, даже другие более сложные системы. В Германии видели человека, у которого все внутренние органы запитаны через внешнюю систему, она несложная, она носится с собой, и он имеет планшет, для того чтобы постоянно проверять вот их взаимодействие. Без этого он жить уже не сможет. Но, с другой стороны, это совершенно сохранный интеллект, и нет вот этих проблем. То есть, скорее всего, это не искусственная социальность, он остался человеком, но вот с какими-то дополнениями. Ну, на этом остановимся. Спасибо.

Модератор: Благодарю за такой интересный доклад прикладного значения. И приглашаю Крокинскую Ольгу Константиновну, она профессор, доктор социологических наук. И она посмотрит на все происходящее глазами теоретика, который понимает много про социальную инженерию как таковую и догадывается, во что может обойтись, как я поняла, слишком вольное...

Крокинская Ольга: Экстаз, который начался.

Модератор: Да. Вот это вот все хорошее настроение она нам сейчас испортит. Нет?

Крокинская Ольга: Нет, нет, нет. Все будет очень серьезно.

Модератор: Немножко испортите, ладно, чуть-чуть.

Крокинская Ольга: Немножко, что?

Модератор: Испортите.

Крокинская Ольга: Да, конечно. Очень симпатично все, что я тут услышала. Я совершенно не собираюсь как бы из прошлого все это опровергать. Но мне бы действительно хотелось обозначить некоторое прошлое — как модель, на которой можно проиграть отклонения и непреднамеренные последствия вот такой эйфории, связанной с современной техникой. Кроме того, я, как честный человек, все время думаю про социальную инженерию и социологию, которая меняет мир, и хочу отвечать и на эти вопросы тоже. Потому что тоже примерно представляю себе, как это выглядит и чем это может кончиться.

Прошу заметить, уважаемым докладчикам не понадобился ни один из этих двух мемов — ни социальная инженерия, ни социология, меняющая мир. Ну, и бог с ним, а я все-таки об этом. Особенно на фоне вчерашнего вечернего заседания, когда столкнулись две точки зрения, неявно, негласно, но все-таки столкнулись с тем, что были представлены очень хорошие проекты по социальному проектированию с достижением целей, нужных для людей. И проекты, которые в буквальном смысле воспроизводили прошлое, и даже в соответствующих понятиях.

Во-первых, один из них назывался «Назад в будущее». Спрашивается, зачем назад? Назад в будущее. Во-вторых, там было сказано, что нужно срочно готовить армию социальных инженеров, потому что актуальная, самая актуальная задача,

которая стоит на повестке дня, это радикально изменить реальность, разрушив предыдущую... боже мой, они что, **гимна не слышали партийного**? Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем... Вот это возрождается, вот именно против этого мне хочется возразить. И напомнить вам, как это было. Дело в том, что в нашей истории есть кейс социальной инженерии — это Советский Союз периода социализма.

Я хочу быстро это обозначить. Мой доклад называется «В прицеле социальной инженерии, природа человека и общества». И я полагаю, что то, что нам пытаются предложить в качестве социальной инженерии вчерашние спикеры такого прогосударственного толка, это проникновение в природу общества и человека, и желание заставить их быть такими, как нужно власти, уж простите, я обозначу это сразу. Советский Союз как продукт социальной инженерии и кейс искусственной социальности. Да, так вот искусственная социальность у нас уже была, и я хочу ее здесь быстренько показать.

Была великая теория, которая так и возвещала нам, что социальные изменения — форма смены общественно-экономических формаций, это Маркс. И философы только каким-то образом объясняли мир, а задача заключается в том, чтобы его изменить. Всё, поехали изменять. Несмотря на то, что ни Маркс, ни Ленин, не считали Россию пригодной для социалистических изменений, капитализм был плохо развит, партия большевиков, политическая сила, приняла эту идею, эту социальную теорию, приняла как руководство к действию и идеологию, и стала по ней буквально строить общество, для этого разрушив старое. Строить новое на основе модели, заложенной в теории. Вот элементы теоретической модели социализма — равенство, общественная собственность, классовая борьба, пролетарии, коллективизм и так далее.

Практика осуществления этих идей привела к построению тоталитарного государства и спровоцировала массовый террор. Как это происходило? Уничтожаем эксплуататорские классы. А это буржуазия не только крупная, но и мелкая, в том числе крестьянство. И крестьянство как класс, вы знаете, было сведено на нет. Разрушена рыночная экономика, возобладало господство идеократии, подавлено инакомыслие, институты общества тотально поглощены государством, и личность советского человека претерпела идеологическое форматирование. Проект был в целом осуществлен, искусственная социальность состоялась.

Почему и в каком смысле искусственная? Во-первых, просто умышленная. Как Достоевский говорил о Санкт-Петербурге, это умышленный город, то есть это придуманный город, построенный вслед за мыслью императора. Во-вторых, потому что к этому обозначению имеет отношение известная эпистемологическая пара — естественные и искусственные процессы, которые трактуют способ появления, существования и исчезновения объектов окружающего мира. Естественные процессы — эволюционные, вероятностные, самодвижение, саморегуляция, самоуправление и так далее, движение логики организма. Логику организма признают за обществом от Платона до Парсонса многие великие социологические теоретики. мы должны ее видеть. И искусственные процессы, фактически не процессы, а цепочки наций с внешними стимулами, это движение

логики механизма, когда используется периодическая постановка целей, и осуществление этих проектов.

В любой социальной организации мы видим присутствие и естественных, и искусственных процессов, но именно логика механизма становится моделью для социоинженерного подхода. Ну, вообще мы должны признать, что в этом была определенная (мы можем как бы слегка это оправдать) эпоха индустриализации, техника вершит чудеса. Этот сегодняшний восторг, он тогда тоже был. Техника вершит чудеса, перевооружение армии, всего хозяйства, эпический восторг рывка из крестьян в трактористы, летчики и, значит, там в танковый бой, в небо и в космос. Фантастические романы мы сочиняем в это время, вообще пафос как основной эффект советскости. И прочтение всей жизни на языке машины, техники. И вот здесь нет очеловечивания машины, а перенесение образа машины на человека.

Вот вторая сторона отношения, о которой рассказывала Ирина Петрова. Это не очеловечивание техники, это роботизация, это люди в качестве придатка техники и воплотителя технических решений. Технический, технократический подход и технократический дискурс конструирования человека. Я уверена, что до вас этот дискурс тоже докатился, хотя придуман он в 20-30-е годы. Люди — винтики государственных машин, инженеры человеческих душ, объект формирования личности человека... воспитание, обработка, переработка. Да, педагогические технологии сегодня еще существуют... ну, и так далее, и так далее. А лет десять назад какую-то гуманитарную технологию все дружно разрабатывали, хотя она растворилась, как миф. Здесь мы должны сказать, что слово, символ и дискурс — это очень сильные вещи, они не только описывают реальность, они ее создают. Дискурс — это вообще то, как мы с вами говорим, и то, как мы называем предметы окружающего мира. Он как пластилин, который если прижать к неровной поверхности, отпечатает все — бугорочки, рытвинки, трещинки, все на нем будет. И дискурс не только описывает реальность, но и воплощает ее.

И вот он фактически открывает дорогу, открывает портал для технического воздействия на личность человека. Когда технологический, технократический дискурс звучит, как мы бы сказали сегодня, из каждого утюга, а тогда из, ну, любого средства массовой информации, в пропаганде, агитации, кино, литературе, везде, он... А мы знаем, как сегодня пропаганда телевизионная тоже, тоже форматирует мозги людей. И тогда это было так же. И вот это очень глубоко, в песнях прекрасных советских: нам разум дал стальные руки-крылья, вообще вместо сердца пламенный мотор. И проникает до мозга, форматируя мозг.

Почему я так смело и, может быть, метафорически говорю, это сегодняшняя когнитивистика заставляет нас так думать. Мы сегодня гораздо больше знаем о мозге, мы знаем, что он бесконечно учится, что под сильным воздействием обучения (а дискурс, постоянный дискурс — это средство обучения) он меняет свою структуру и функционирование. И то, что там, оказывается, залегает навсегда, потом в аналоговой форме к нам возвращается — о, мы вспомнили что-то. Мы вспомнили, потому что он нам это подбросил [мозг], у него уже это все есть. Кроме того, когнитивисты говорят, что мозгу безразлично, с какой реальностью иметь дело — с этой настоящей материальной или с воображаемой.

В социологии есть теорема, единственная теорема в социологии, теорема Уильяма Томаса: если нечто считается реальным, оно будет иметь реальные последствия. Если нечто только считается реальным, его материально нет. Это древний-древний спор номиналистов и реалистов, он вполне нам здесь пригоден, очень важно об этом помнить. Ну, вот личность открыта для непосредственного и жесткого воздействия. Что нужно сделать с женщиной, чтобы стала возможна вот такая женщина востока? Неважно, что там не восточные лица, символ вброшен, и он работает. Вот, пожалуйста, инструменты конструирования социальных контекстов и качеств человека. Репрессии, специально сконструированные нормы, переформатирование сознания, в целом культура и переписывание культуры и истории, агитация, пропаганда, школьная педагогика, семейное воспитание.

Такие, например, нормы. Это я цитирую Анатолия Георгиевича Харчева, «Брак и семья в СССР»: «Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста, не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться с бюро свободной любви» и, значит, выбрать себе сожителя. Это первая сексуальная революция Александры Коллонтай. А дети, произошедшие от такого рода сожительства, поступают в собственность республики. Это документ. Конечно, эксцесс, конечно, перегибы на местах, и было, наверное, отменено, но миф сохранился очень надолго. И что коммунисты обобществляют жен, мы помним долго после этого. Или вот такие нормы о коллективизации на Кубани, это из писем Шолохова Сталину. Было официально и строжайше воспрещено колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных, им надлежало жить в сараях, в погребках, на улице, в садах.

Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью, сам будет выселен с семьей, ну, и так далее. Шолохов пишет: «Я видел такое, что нельзя забыть до смерти, в хуторе Волоховском, ночью на лютom морозе, на ветру, собаки прячутся от холода, а дети лежат на земле». Публикация называется «Страна утраченной эмпатии», эмпатии, сочувствия, общинной солидарности, общности. Вот они, старые нормы, разрушенные до основания, пожалуйста. Но это была не утраченная, а отсеченная эмпатия. Ампутированная эмпатия, и это стало страшно, и это помножилось на оптимизм, вот только что технократический. Даниил Александрович Гранин назвал это эмоционально «адской смесью оптимизма и страха».

Это такие диссонансы, на которые уже можно записывать все, что угодно. И устрашение ради подавления воли создавало феномен, который мы тоже сегодня знаем, — выученную беспомощность. Становится допустимо все, и в этом суть инженерии, начиная с любой технической. Инженер создает свой продукт, полностью владея объектом, и социальный инженер делает то же самое. Мне хочется отделить социальную инженерию от совершенно нормального и очень продуктивного социального проектирования, но тогда нужно увидеть ее специфические свойства. Чуть позже я покажу, потому что нужно еще привести примеры, чтобы это увидеть максимально точно.

В позднем Советском Союзе конструирование личности советского человека продолжается. Можно смеяться над этим... и программа партии, которая обещала нам коммунизм в 1980 году, по поводу которой был анекдот, что в ресторане

объявленного коммунизма состоятся олимпийские игры. Моральный кодекс, правила октябрат, тексты детской литературы — можно, конечно, над этим посмеиваться, но это такие мины замедленного действия. И в нужных индивидуальных ситуациях они могли срабатывать, потому что там были идеологические фильтры, и там опять был этот дискурс.

Элиминировалось, тоже отсекалось совершенно сознательно чувство «я», чувство индивида, субъекта, чувство индивидуальности. «Я» было чем-то неприличным, осуждалось ячество. Чувству «я» приписывалась какая-то вина, «я, ребята, виновата, признаю вину свою, я согласна встать, ребята, даже после буквы Ю». Мы все чудесные стихи Бориса Заходера читали, я помню их до сих пор. Даже детское движение, вполне себе почти оппозиционное, почти диссидентское Игоря Петровича Иванова, коммунарское движение выдвигало лозунг «живем без Я». Ну, впоследствии этого тоже... И были модели, модели личности, разрабатывались модели личности студента, учителя, специалиста. Все это, конечно, уже кануло в лету, но нормативирование личности было совершенно явно обозначено. А вот это исследовательские модели, это советский простой человек — Юрий Александрович Левада, первый ВЦИОМ. Ну, вы видите, авторитарный ком, авторитарный комплекс, расколотое сознание, страхи, патологические разрывы в сознании и комплекс маленького человека.

Вот это польская модель, ее цитирует Петер Штомпка в «Социологии социальных изменений». Практически то же самое: комплекс лилипута, структура организованной лжи, тоже авторитарный комплекс, пассивность, конформизм, подчиненность и посредственность в общественных ролях, в целом раскол сознания. А вот это, если там хорошо видно, это небольшой фрагмент из одного моего исследовательского проекта, воспитательные системы в школах Санкт-Петербурга. Это шкала Рокича, самая обычная шкала Рокича, небольшой фрагмент, на котором можно увидеть соотношение индивидуальных и групповых ценностей. Синие нисходящие линии — это самооценка старшеклассников, а красная, над ней возвышающаяся, это мнение учителей об этих качествах школьников. Во-первых, мы видим, как учителя понимают своих учеников — чуть ли не диаметрально противоположно. То, что у ребят **высоко ценно** — семья, любовь, дружба, — не считают ценным учителя, вернее, не видят этой ценности у своих учеников. А вот здесь, где личный успех и личная независимость, вот они практически в самом финале, у учителей высокие показатели. Потому что они, видимо, считают, что только об этом люди и думают, только о себе и думают.

Понятно, что в педагогике чувство «я» подавлено и будет подавляться, потому что учителя считают, что это многовато. Откуда это гонение на «я»? Из великой социальной теории, это Маркс. Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых они находятся к обществу. И эта глубинная структура обладает по отношению к индивиду принудительной силой. С тех пор у нас людей в обществе нет, общество — только система связи. Ну, вот, это реализация проекта по способу осуществления инженерии. Почему инженерии? Вот ее установки, которые, мне кажется, можно вычленивать из анализа конкретных ситуаций. Это объективация партнера по взаимодействию, то есть лишение его субъектного статуса, деперсонализация индивида, группы, народа, коллектива, они — объект воздействия, косвенная материя, которая только для

того и существует, чтобы подчиняться действиям коммуникатора или инженера. Это, конечно же, обесценивание этого объекта, его надо назвать плохим, неразумным, неразвитым, для того чтобы его, как вчера же говорилось, лечить. Я слышала сама — лечить нездоровое общество. И, разумеется, это обоснование принуждения, осуществления власти и насилия.

Вообще вот эта конструкция — это изнасилование, объективация, обесценивание и принуждение. Предлагаю различать жанры социальной инженерии и социального проектирования. Оба — способы производства будущего. Но существенная разница в проектировании — способ производства будущего, с привлечением партнеров по взаимодействию, в качестве субъектов разработки всей процедуры. И это процесс, в ходе которого можно осуществление целей корректировать. А социальная инженерия — это метод создания искусственной социальности сверху донизу. И принятие соответствующих смысловых установок, о которых я сказала.

Мне кажется, что она уже здесь, эта самая социальная инженерия. И вот здесь я обозначила только несколько кейсов социальной инженерии, в которой мы с вами живем, ощущая вот это — объективацию, обесценивание и принуждение. В социологической практике это то, что называется аккламацией — опрос, проведенный для одобрения уже принятого решения, как Крымский блэкаут, 31 декабря вечером проведенный опрос. Ежедневная бомбардировка общественного мнения предложениями, вот сегодня уже, не качать права, государство вам ничего не должно, государство уходит из социальной сферы, и через своих чиновников, которых слишком много, чтобы это было случайным, призывают людей брать все на себя. Переформатирование института образования.

Если кто-то работает в образовании, вы понимаете, о чем идет речь, какая это дикая совершенно вещь. Мегасоциальный инженерный проект по разрушению сознания нации, и я думаю, что Грушинская конференция — тоже социоинженерный проект, в котором легитимируется понятие социальной инженерии вот в этом действительно социальном качестве. И я предлагаю помнить о том, что социология — наука для общества, для человека, для самосознания, самостоятельности, для гражданского общества, наконец, она не должны оказаться материалом в руках манипуляторов. И социология не должна работать в социальных, в социоинженерных проектах такого рода. И я думаю, что нечто подобное нужно записать в этический кодекс социологии. Спасибо за внимание!

Модератор: В защиту Грушинской конференции я хочу сказать, что, собственно, поэтому разные полярные мнения выслушиваются, и признательны за то, что так неравнодушны к этой теме наши докладчики. Сейчас приглашаю Юлию Дроздову. Ольга Константиновна рассказывала, как в Советском Союзе можно было сломать мозг. Я так понимаю, Юлия расскажет нам, как это еще лучше и эффективнее можно сейчас сделать, с помощью новых технологий, с помощью как раз искусственной социальности и искусственного интеллекта, да? Спасибо. Волгоградский университет...

Дроздова Юлия: Институт управления, филиал РАНХиГС. Добрый день, уважаемые коллеги! Наверное, мой доклад отчасти будет продолжаться и ставить, может быть, в продолжение какие-то вопросы, связанные с пониманием

социальной инженерии, и как рассматривается сегодня данная технология. В отличие от уважаемой коллеги, у меня нет пока ответов. И я, когда готовилась к сегодняшней встрече с вами, думала о том, что, наверное, я не смогу завершить свое выступление слайдом «Выводы». Потому что на самом деле у меня больше вопросов, чем выводов. Наверное, это и создает рамки дальнейшей рефлексии, связанной с социальной инженерией.

Когда была объявлена тема IX Грушинской конференции, мнение коллег на кафедре разделилось. Одна половина коллег, выросших на классических учебниках и работах Владимира Александровича Ядова, Альберта Ивановича Кравченко, имела четкое представление о том, что социальная инженерия — это некая социальная технология, которая была направлена на проектирование, конструирование организационных структур, социальных процессов. И это технология, которая действительно была очень востребована в начале XX века. И это 20-е годы, если мы об английской школе, Сидней и Беатриса Вебб, Паунд и Карл Поппер, который в своей работе «Открытое общество» говорил о том, что пришло время — и это вы помните, время, выдвинутое и названное в концепции Тейлора научной организацией труда. Здесь действительно люди рассматривались, и не только ученые, как некие социальные инженеры, которые способны проектировать свое будущее, способны поэтапно, технологизированно управлять различными, и не только техническими, но и социальными процессами.

И этой идеей были очень увлечены. Фактически она была в послевоенные годы реанимирована, причем в таком формате, что сфера применения социальной инженерии вышла за рамки организационных процессов, социальная инженерия рассматривалась как технология, в рамках которой возможно изучать воздействие, социальные процессы, объекты, проектировать принцип рациональной организации труда, человеческих отношений, определять этапы этого воздействия и, соответственно, разрабатывать эффективные методы, рекомендации и так далее. В этом русле в 40-е годы, в рамках реанимации социальной инженерии, вот этого циклического развития этих «медиавирусов», появилась концепция человеческой инженерии. На самом деле об этом говорили уже и писатели, и поэты, и социологи, рассматривалось как социальные инженеры.

Появились авторы и субъекты управления, которые владеют этими технологиями. Соответственно, опять было такое, в общем-то, циклическое колебание, что социальная инженерия была переведена опять в русло организационных социологий, ставили процессы в организации. Но, тем не менее, объединяло эти концепции то, что социальная инженерия разрабатывалась даже не как технология, а как некая даже наука или направление в научном знании, которая была призвана как раз-таки исследовать такой производительный, эффективный, красивый человеческий труд. Принцип социальной инженерии очень хорошо описан и нашими соотечественниками.

В рамках концепций научной организации труда, в рамках социальных исследований 20-30-х годов Алексей Капитонович Гастев, с его знаменитыми работами «Наши задачи», «Как надо работать» и так далее, выдвигал эти принципы социальной инженерии, и они, в общем-то, в отличие от европейских научных школ, не получили своего развития. Хотя, повторюсь, был период такой

увлеченности этой технологией, этим направлением научного знания. И, в общем-то, в данном случае представленные работы очень ярко иллюстрируют концепции Алексея Капитоновича Гастева. На самом деле принципы, на которых основывалась социальная инженерия (коллега уже сказала об этом, я не буду давать негативную коннотацию данным принципам), — рационализм, прагматизм, проектирование, стандартизация, своевременность, эффективность — все это, конечно, те смыслы, которые и раньше наполняли данную технологию и данное направление научных исследований. В принципе, они не изменились.

Единственное — в сегодняшний дискурс, в сегодняшнее понимание социальной инженерии пришли новые смыслы, но осталось прежнее [понимание], что это действительно конструирование некой социальной реальности. Повторюсь, что у меня нет негативной коннотации, потому что я пыталась как раз подавать заявку и размышлять о том, что происходит вообще. Вторая половина наших коллег сказала, что социальная инженерия — это вообще уже не наука, а некая асоциальная технология, которая как раз-таки направлена на воздействие на человека, как раз понятие «нечеловеческая социология», вот стопроцентное попадание в тему нашей секции.

И человек убирается, человек остается в качестве манипулятора, даже мошенника. И говорится, что два абсолютно противоположных дискурса сформированы на сегодняшний день в средствах массовой информации. Конечно, метафора пошла от Рожкова — о том, что социальная инженерия — это медиавирус. Медиавирус, который наполняется определенными смыслами, определенными мемами, которые на сегодняшний день и создают эту новую социальную реальность. На самом деле остается все та же алгоритмизация, воздействие на человека, но не однозначно понимание.

Этот ренессанс социальной инженерии в контексте сегодняшних дней, он говорит о том, что, наверное, происходит некая борьба, конструирование смыслов. Но для себя лично наполнение этой дефиниции новыми какими-то смыслами... да, это воздействие на человека с помощью игры. Игра дефиницией происходит, некое такое жонглирование дефиницией, оно, в принципе, создает эту не просто текучую современность, неустойчивую современность, где действительно можно найти любые смыслы, наполнять содержанием. **Говоря о том, что манипулировать, у меня нет, на самом деле, ответов на эти вопросы, но я думаю, что как раз-таки та социальная реальность, безусловно, в данном случае, мы не живем уже, она есть эта реальность как искусственная реальность, возможно, можно под сомнение ставить.** Но даже сомнение и само формирование этого вопроса уже говорит о том, что мы имеем дело с некой новой социальной реальностью и рефлексией, которая, конечно, создает новую политику социологической науки.

Те вопросы, не выводы, которые хотелось бы обсудить: **у кого будущее этого социологического знания, развития социальных технологий, национализация или декоммунизация, целеполагание, или все-таки происходит когнитивная эксплуатация, приводит к манипуляции, или наоборот, манипуляция как раз-таки в медиасреде, в инфосфере, в которой мы живем, взаимодействуем?** И уже симулякры отношений, люди-симулякры и т.д., т.е. это тоже некая такая наша новая реальность. Соответственно, где происходит проектирование поведения,

смыслов, моделей поведения, отношений. Поэтому, завершая, приведу такой пример, «во вред или во благо».

У нас недавно закончился проект по миграционным рискам, и нашими информантами были люди, которые в свое время стояли у истоков создания Федеральной миграционной службы. Он сейчас, вы знаете, передана Министерству внутренних дел — функции по адаптации, интеграции мигранта. И вот Ольга Дмитриевна Воробьева, доктор экономических наук, профессор, один из создателей Федеральной миграционной службы, рассказала такой интересный кейс. Ее пригласили как эксперта выступить как раз перед чиновниками высокого ранга из Министерства внутренних дел, и два часа она рассказывала о том, как необходимо интегрировать, адаптировать мигрантов и т.д. Там свыше ста слайдов было представлено. И через два часа общения, такой интенсивной работы, конечно, эксперта, прежде всего, молчание в зале, и когда начались вопросы, первая поднятая рука — и заданный вопрос звучал так: «Скажите, пожалуйста, а среди мигрантов есть некриминальные элементы?». Как раз это к вопросу о технологизации и т.д., и от того, что ждет заказчика, социального инженера.

Поэтому все-таки я не стала ставить тождество между социальным инженером и социологом. Безоценочно, но разные функции, разные отличающие, скажем так, принципы. И вот то, что требовалось... Получается, чиновник из Министерства внутренних дел, безусловно, может выразить свою позицию, очень ошибочный шаг передачи всех процессов, всех направлений Министерству внутренних дел, потому что сейчас все-таки не министерство Столыпина Петра Аркадьевича... все-таки тоже занимались переселенческой политикой, но это несколько другая структура, в которой и воспринимают в том числе миграцию как риски, как синоним угрозы. А здесь, конечно, предстоит большая работа по адаптации, интеграции, опять-таки, в новой социальной реальности, в которой мы живем, связанной с миграционными процессами. И в данном случае чиновники слушали, но не слышали. И вот эта опасность того, что отождествляют социолога с социальным инженером, мы рискуем попасть в такое состояние этого исполнителя, когда есть такая востребованность — услышать то, что хотели бы услышать.

Это не социологический метод, реальный опрос студентов по остаточным знаниям. Когда уже рассказываешь историю, мы изучаем и те, и другие подходы, в том числе и этот дискурс медиавируса. Это все-таки такая асоциальная технология воздействия на человека с целью заполучения какой-то конфиденциальной информации. В общем, что остается в сухом остатке, как любят говорить проверяющие Роскомнадзора, которые проверяют остаточные знания студентов. В сухом остатке: какие-то манипуляции людьми — это мошенничество, что-то рационально рассчитанное, какие-то технологии...

Но вот возрожденный в 80-е годы концепт социальной инженерии, когда урбанистика очень часто использовала этот метод, — на самом деле, тоже очень спорное, противоречивое явление. «КБ Стрелка» сотрудничали с нашей администрацией, сотрудничали с управленческими структурами нашего города Волгограда, разработаны замечательные проекты с точки зрения социальной инженерии. Замечательные проекты благоустройства волгоградских дворов.

Прошло, по-моему, уже два года — не изменилось. Человек не ушел из общественного пространства, и общественные пространства — технологизированные, какими красивыми они бы ни были, они все-таки наполнены людьми, человеческими отношениями. И поэтому, наверное, как направление современный дискурс, который предполагает, наверное, конкуренцию и некое такое соревнование этих людей и смыслов, не исключает человека, и все-таки не фетишизирует какое-то одно из направлений социального знания. Вопросы позже. Продолжение следует. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое, Юлия, за доклад. Следующий докладчик Олег Грешнев, и он будет выступать сразу за двоих. Я думаю, что это будет сложно, но не очень, поскольку Александр Дмитриев, который должен был представить доклад, фокусирует внимание на искусственном интеллекте. Будучи социологом, учеником Батыгина, он постарался подготовить доклад в максимально адаптированном для нас варианте. И сам доклад Олега Грешнева, он тоже про искусственный интеллект, но с некоторых других позиций — как его можно обойти, и какие этические коллизии здесь возникают, проблемы с безопасностью. Даю слово и желаю удачи.

Грешнев Олег: Спасибо, Анна. Хочу поблагодарить всех, кто пришел, потому что, на самом деле, для меня выступление на социологической конференции — это тоже некоторый, можно сказать, эксперимент, но связан был с желанием свой взгляд — технический, можно сказать, взгляд на вещи донести и, возможно, вызвать дискуссию. И, конечно, хочу поблагодарить всех организаторов мероприятия, без которых мы бы здесь не собрались.

Я, наверное, начну. Я слушал всех выступающих, и это вчера было на секции. Интересный вопрос, что социальную инженерию все понимают по-своему, и каждый чуть-чуть по-своему вносит какое-то определение. И, честно, сейчас, пока сидел, я понял, что, наверное, я внесу еще одно, которое мне было бы сейчас ближе всего, и про которое наши два доклада. Я уже успел посмотреть доклад Дмитриева, чтобы в нем все-таки тоже ориентироваться. Что социальная инженерия — это та область, где социологи сотрудничают с инженерами. И я как инженер, собственно говоря, — сейчас об этом немножко поговорим.

Давайте сделаем так. По презентации Александра: это тоже для меня некоторый интересный опыт, рассказать о том, что думал автор, когда составлял презентацию, поэтому буду давать свои комментарии. Во-первых, действительно, очень интересно. С технической стороны я как инженер могу сказать: управлять можно всем тем, что ты хорошо понимаешь. И даже более интересный момент: ты не можешь сказать, что ты что-то знаешь, если ты это не сделал своими руками — такая исключительно инженерная позиция. А с точки зрения науки здесь интересный момент. Очень интересная цитата взята из Лема о том, что наука в меньшей степени, наверное, создает себя саму в своих собственных ограничениях. И тут, действительно, когда мы пытаемся сплавить технологию и науку, социальную в первую очередь, возникает довольно много коллизий и вопросов. Но здесь есть и вопрос о слепых пятнах со стороны социальных наук.

И действительно интересно: про первых четырех, кто не читал хотя бы одного из них среди присутствующих? — я так задам вопрос. Макс Вебер, Дюркгейм, Сорокин и Энтони Гидденс. Кто не читал хотя бы одного из четырех? Я

просто здесь понимаю, как надо задать вопрос. Окей, два человека. А теперь, вторые три книги, кто читал хотя бы одну из них? Кстати, да, это здорово. Но здесь речь как раз шла о том, что есть слепые пятна, действительно, есть слепые пятна в науке, связанные с тем, что, вообще говоря, тема искусственного интеллекта, тема машины и возможностей социологии, общения, внесение в машины социального, она обсуждалась уже очень давно. И по этому поводу очень много писали, в том числе писали много фантасты, писали много кибернетики, и меньше писали социологи.

Собственно говоря, я здесь зачитывать не буду. Я буду, наверное, больше комментировать. Действительно, момент, и он звучал сейчас в докладах, мне тоже очень понравилось, о том, что, в отличие от человека из IT, кибернетика, ученый-социолог не может взирать на объект своего изучения с высот вечности и вездесущности. Т.е. все-таки тут вопрос, что есть объект, а что есть субъект в данном случае. Вообще говоря, тематика искусственного интеллекта, она крайне разнообразна, опять-таки, зачитывать я не буду, но здесь очень важно понимать, что... и это, кстати говоря, звучало во многих работах, то, что я читал, пока готовился, в том числе к этой конференции, что нужно понимать искусственный интеллект как все-таки социальный феномен, но при этом не человеческий актер. И эту тему надо прорабатывать, потому что эти нечеловеческие факторы социального, они все более входят в нашу жизнь, становятся еще более распространенными, а будут еще более распространены, и об этом я немножко поговорю, здесь хорошая такая перекличка с тем, что я хотел рассказать в следующем докладе.

Интересная, кстати, цитата о том, что проблема может быть скорее психологической, связанной с тем, что теория Дарвина оскорбляла многих тем, что человек, оказывается, — что-то похожее на обезьяну; а теория искусственного интеллекта, возможно, так же оскорбляет многих тем, что человек теперь, оказывается, — это что-то, похожее на машину. Но и там, и там есть некоторые допущения. Интересно, что это 1963 год: идея о том, что кибернетика будет включать в себя вопросы этики и будет включать в себя вопросы морали, но не потому, что их кто-то в нее внесет, а просто потому, что она, сама по себе развиваясь, начнет захватывать те области нашей жизни, где без этих понятий, вообще-то говоря, можно легко дойти до катастрофы. И здесь идет речь о том, что есть... впереди это будет, но я чуть-чуть забегаю вперед — есть два конкурирующих понятия.

Есть понятие «искусственного интеллекта», и есть понятие «усилителя интеллекта». Под усилителем интеллекта понимается некоторый инструмент для нашего естественного интеллекта, который просто ускоряет и повышает производительность труда. И я бы сказал, что область, как раз хорошо известная социологам, связанная с анализом данных, и Big Data, и много-много чем новомодным — она, скорее, относится к области усилителей интеллекта. Т.е. она все равно не исключает наличия человека в цепочке принятия решения, она просто помогает ему это решение принять. Если мы говорим про область, в которой человек, в силу некоторых ограничений не в состоянии даже решения принимать, то тут мы как раз переходим в область искусственного интеллекта, где

человек фактически исключен из этого процесса, и машина принимает решения уже самостоятельно.

А вообще говоря, что происходит с искусственным интеллектом, тут взгляд со стороны IBM, и вообще со стороны отрасли, потому что IBM, надо понимать, является одной из девяти компаний — тоже это будет в моей работе, которые общепризнаны как двигатели и владельцы технологий искусственного интеллекта в мировом масштабе.

Это, в общем-то, экспертиза по извлечению знаний из текста, по извлечению знаний из различных областей, накопление этих знаний от медицины до вождения автомобиля, до производства, до ритейла — во всех областях. И в том числе это сентимент-анализ, т.е. попытка машину научить, имитировать, по крайней мере, распознавание эмоций. Интересно, что если до последнего времени сентимент-анализ в большей степени относился к области анализа текстов, то сейчас все больше оборотов набирает сентимент-анализ в части распознавания эмоций, считывания эмоций при распознавании лиц, что открывает отдельные совершенно перспективные.

Опять-таки, Станислав Лем: «Каждый раз план действий и окончательное решение должны принадлежать человеку», и здесь есть уже области из реальной жизни — это вопрос автопилота, самопilotируемых автомобилей, и вопрос возможности человека в последний момент вмешаться в процесс управления машиной. Я могу сказать, что эта тема вот так в широком смысле возникла относительно недавно, но в более узком смысле военные с ней сталкивались еще раньше. Это вопрос управления, например, истребителями, когда они летят на небольшой высоте и когда вмешательство человека в принципе невозможно, потому что его реакции не хватит. Т.е. любое вмешательство человека приведет к катастрофе. Эта проблема, когда человек уже не может управлять, она там известна достаточно давно. Другое дело, что, наверное, на этом этапе не стоило еще называть искусственным интеллектом.

Уже становится интереснее. Вера как научный метод, с точки зрения искусственного интеллекта. Здесь дается трактовка того, что вера нужна всегда, когда мы принимаем решения в условиях неполной определенности. А это означает, что если мы хотим, чтобы машина принимала решения, а машина принимает решения в реальном мире и в условиях неполной определенности, значит, машина вносим уже некоторые понятия веры. «Многokrатно утвержденная вера становится знанием», — вот эта идея мне показалась действительно очень интересной.

Вот как раз здесь я бы сказал, что мне интересно. Я бы здесь жирным шрифтом выделил этот текст, а не тот, который вынесен наверх. Как всегда, не авторское прочтение. Это вопрос того, что до той поры, в той области, в которой человек способен действовать своим умом, машина остается как раз усилителем интеллекта. По большому счету она просто помогает человеку постичь какие-то вещи. Но рано или поздно, и этот момент уже настает, мы столкнемся с ситуацией, где человеческого интеллекта просто будет недостаточно для принятия решения, и здесь человеку придется делегировать машине дальнейшее движение вперед. И здесь как раз встанет вопрос, как можно контролировать то, что мы не можем контролировать, то, что мы даже не можем понять. И об этом я

сейчас подробно говорить не буду, но подробно расскажу — опять-таки, интересная переключка, об этом я пытался в своем докладе рассказать подробно.

С точки зрения пророков, опять-таки, как это виделось, и как, возможно, это будет реализовано, одна из интересных концепций — это концепция умной пыли. Кстати, кто-нибудь слышал про такое? Умная пыль. Когда мы говорим про искусственный интеллект, часто все-таки мы сходимся в представлении, что это робот — антропоморфный, неантропоморфный, машина, в крайнем случае, но что-то, какой-то объект, вполне конкретный, материальный. А здесь речь идет о том, что это вовсе не обязательно. Один из вариантов — это, фактически, наномашин, это огромное количество небольших умных частиц, которые в состоянии взаимодействовать между собой и совместно решать некоторую задачу. И в этом смысле они совершенно вездесущи, и к ним можно применить понятия площади, объема, контроля, но не их конкретного местоположения.

Реплика из зала: Страшноватенько звучит.

Грешнев Олег: Это, скажем без эмоциональных оценок, как всегда — инструмент. Самое интересное будет, когда мы придем к вопросу, что этим инструментом человек управлять не в состоянии, просто в силу того, что человек не в состоянии управлять миллиардами частиц, а управлять ими, естественно, будет машина. И вот тут как раз встанет очередной вопрос: собственно говоря, какими правилами должна машина руководствоваться при управлении, чтобы это было во благо, но не во вред?

Вот интересная идея, которая как раз переключается с докладом про антропоморфных роботов-помощников, о том, что с квазичеловеческой индивидуальностью вряд ли кто-то станет создавать роботов. Здесь, кстати, интересно, что Лем тоже под роботами понимает нечто, скажем так, ограниченное в пространстве. Под искусственным интеллектом, конечно, нужно понимать и всеобъемлющие системы, те же условные сейчас боты и т.д., которым как раз стараются придать все признаки имитации реального интеллекта.

Вот про усилители интеллекта я, забегаю вперед, немножко рассказал. Как раз вторая концепция, стоящая рядом с искусственным интеллектом, которая не исключает естественного. Что важно, она лишена целого ряда парадоксов, которые присущи именно искусственному интеллекту и которые легко разрешаются в усилителях. Но усилители интеллекта — это действительно уже реализовано, в том числе уже реализовано IBM. Это всевозможные системы поддержки принятия решения. Вот эта мысль просто еще разок повторяет, что мы плавно подходим к моменту, когда даже с усилителем интеллекта человеческого интеллекта все равно не хватит, чтобы решать задачи.

А что касается системы поддержки, то интересная идея, взятая из 1963 года: чем искусственнее окружающая нас среда, тем сильнее мы зависим от технологии и от ее надежности. Здесь приведена интересная новость, когда из-за опубликованной в некотором ресурсе информации началась череда самоубийств. На самом деле скорость распространения информации и массовость ее влияния на людей все набирает темпы. Но лучше бы это рассказывал Александр, я это оставляю здесь. Идет вопрос о том, что IBM, как одна из ведущих компаний в этой области, всячески открыта к сотрудничеству.

Модератор: Тогда переключаемся на следующий доклад, все-таки более близкий и родной. Я, надеюсь, Олег расскажет более подробно про те этические проблемы, как они решаются сегодня инженерами, какие есть установки у инженеров — разработчиков искусственного интеллекта по тому, чтобы наш мир, вместе с AI был все-таки безопасным.

Грешнев Олег: Спасибо. Да, сейчас будет немножко больше живой речи, нежели комментариев. Я начну с того, о чем имеет смысл сказать про интеллект в принципе, хоть как-то его определить. Здесь я взял очень обрезанное, укороченное определение, но его, мне кажется, достаточно для контекста после этой презентации. Это способность к познанию и решению трудностей, которая объединяет все познавательные способности человека, связанные с восприятием, представлением, мышлением, воображением. В таком случае что такое искусственный интеллект? Есть определение классическое, что это область информатики, которая занимается разработкой систем, которые обладают как раз теми способностями, которые мы исконно связываем с человеком — понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д.

Есть более удачное, с моей точки зрения, определение. Здесь как раз стоит разделить искусственный интеллект и усилитель интеллекта, т.е. анализ данных. Несмотря на то, что очень часто эти понятия смешиваются, первая часть вполне понятна. Я могу сказать как человек, который там работает, мы и тем, и другим занимаемся. Первая часть, она вполне понятная, и она практически не вызывает вопросов. Больше хочу поговорить именно про вторую, про ту часть, которая связана с попыткой повторить работу человеческого мозга, ее симитировать.

Тут у меня такая концепция — практически 5И. Совершенно случайно получилось, что искусственный интеллект для социологии, с моей точки зрения, может быть интересен, как минимум, в трех аспектах: с точки зрения некоторых методов измерения того, что вы изучаете; с точки зрения изменения, т.е. влияния как раз на социальный инжиниринг в предыдущих понятиях; и с точки зрения изучения как объект, как социальный актор, который влияет на общество, и последствия этого влияния однозначно интересно было бы изучать.

Что я могу сказать с точки зрения измерения... Еще раз, анализ данных как таковой я вообще здесь выдвинул в сторону. Это вопрос к тому, что это обработка естественной речи, это анализ изображений, как я говорил, вплоть до считывания эмоций. Распознавание лиц, считывание эмоций и много-много чего другого, что делает его, может сделать искусственный интеллект хорошим помощником с точки зрения наблюдения. Это в том числе его использование для поиска, для рекрутинга труднодостижимых респондентов. Например, вспоминая чат-боты, соцсети — это тот, кто может, пообщавшись, найти человека по некоторым, может быть, не очень четко сформулированным критериям.

С точки зрения изменения. Здесь я бы на первое место вынес такой интересный момент, и об этом много говорилось, что вообще социальные инженеры когда пытались влиять на общество, использовали средства массовой информации, массовой коммуникации. Отличие этих средств в том, что массовое сообщение не индивидуально, т.е. мы все равно вынуждены что-то транслировать общее для всех, и кто-то выбирает. Искусственный интеллект — это возможность поговорить с каждым персонально, индивидуализированно донести сообщение,

которое мы хотим до него донести. При том, что каждый человек общается практически с некоторым таким индивидуальным аватаром, в целом это единая система. Она действует по общему алгоритму, способна достигать общих целей в этом индивидуальном общении. Это некоторое новое, я бы сказал, средство массовой информации, которое, я думаю, по степени влияния на человека должно превзойти те, которые существовали до сих пор.

И второй момент, кстати, очень плотно с ним связанный, это фильтрация. Они же не говорят, что мы сейчас живем в мире существенного профицита информации, каждый день информации генерируется намного больше, чем люди в состоянии были бы прочитать, если бы занимались только тем, что читали. Поэтому огромную роль играет фильтр, то, как агрегируется и собирается информация в социальных сетях и еще где-то. Какое-то время выстраивались вокруг лидеров мнений, были группы по интересам, кто-то отбирал интересные статьи, мы ему доверяли, мы читали. В современном мире, фактически, таким лидером мнений для каждого человека является сам человек. Потому что соцсеть, искусственный интеллект подстраивается под то, что человеку интересно, с чем он согласен. Об этом чуть позже поговорим.

До сих пор, когда мы говорили про искусственный интеллект, мы говорили о том, что в целом он создается во благо, но может иметь какие-то негативные последствия. Но, вообще-то говоря, есть целая область по разработке искусственного интеллекта, основной задачей которой является как раз совершить, я скажу так, неэтичное действие, не буду вдаваться в подробности. И проблема здесь в том, что большинство алгоритмов искусственного интеллекта непрозрачны и не прослеживаются просто априори, поскольку они так созданы. Поэтому проверить так называемую лояльность (а лояльность в терминах искусственного интеллекта — это гарантия, что он делает только то, о чем заявляет пользователю, и не делает ничего другого) у нас практически становится невозможно, даже для того, кто создал алгоритм.

Но с точки зрения изучения — как раз об этом я и хотел поговорить намного больше, потому что, понятно, это социальный актор, это чат-боты, это беспилотные автомобили, это агрегаторы, это в любом крупном интернет-магазине система рекомендаций, которая подсказывает, а что еще вы, скорее всего, захотели бы купить. Это, в общем, тоже некоторая модель взаимодействия, хотя и упрощенная. Это действия искусственного интеллекта на рынке труда после изменения его ландшафта, потому что по мере его развития определенные профессии замещаются полностью или почти полностью. Но здесь отдельно хотелось выделить такую область применения искусственного интеллекта, как искусственный интеллект в области судьи и оценщика для людей.

На самом деле, это то, что уже есть сейчас — сплошь и рядом, и HR-службы крупных компаний этим пользуются, разумеется, когда они фильтруют кандидатов. Этим пользуются банки, тоже не секрет, при выдаче кредитов. Но это получило дальнейшее развитие, и вот система, например, социального рейтинга, которая была запущена в Китае, уже выносит принципиально на новый уровень действия искусственного интеллекта как оценщика. Т.е. фактически мы говорим, что благодаря и технологиям распознавания лиц, и способности отслеживать, идентифицировать каждого отдельного человека в каждый отдельный момент

времени мы можем создавать некоторый рейтинг в зависимости от того, что мы хотим. Рейтинг благонадежности гражданина с таким тотальным контролем.

Еще одна интересная область, совершенно не из Китая, она известна и в Штатах и т.д., когда роботов пытаются, т.е. искусственный интеллект пытаются привлечь к оценке вероятности того, что подозреваемый виновен, или хотя бы к поиску подозреваемых — по многим факторам. Об этом буду еще чуть-чуть впереди говорить, но тут как раз впрямую стал вопрос этики и морали. Искусственный интеллект — не что иное, как большой и сложный набор некоторых статистических правил. И, например, был целый ряд скандалов, когда подобные решения, будучи внедрены как раз в систему расследований, быстро оказывались, например, расистскими. Потому что чисто статистически выясняли какие-то зависимости, и тут же начинали присуждать большую вероятность человеку в зависимости от цвета кожи.

Что еще интересно и чего сейчас фактически нет, но над чем бьются инженеры и что, похоже, может быть — не в ближайшем, но в скором времени— это применение искусственного интеллекта не в роли анализа, когда мы анализируем предыдущие какие-то действия и пытаемся их повторить, так или иначе воспроизвести, а в роли синтеза. Т.е. для задачи создания чего-то принципиально нового. Уже есть примеры, относительно простые. Многие, наверное, слышали, история была нашумевшая про искусственный интеллект, который выиграл не в шахматы, а в Go.

Что интересно в этой истории, что там было **несколько матчей и чемпиона**, и его собственный отзыв. В первый раз он говорит: «Я был удивлен, когда меня машина обыграла. Но второй раз...» — на английском он употребляет слово «speechless». Дело же в том, что машина совершила ход, который до сих пор не совершал ни один из людей, т.е. машина сгенерировала новый ход, оказавшийся очень удачным, благодаря этому она выиграла. Т.е. способность машины к построению новых паттернов поведения, к выработке некоторых новых удачных решений вполне себе прослеживается и, естественно, это будет только развиваться.

Про формирование инфопространства я немножко говорил. Понятно, что пользуемся ли мы «Яндексом», пользуемся ли мы Facebook, мы видим только то, что нам показывают, — просто в силу того, что посмотреть все невозможно. Алгоритмы, которые показывают нам то, что показывают, если даже убрать какую бы то ни было волю человека, они настроены так, чтобы показывать нам то, что нам интересно. С моей точки зрения, это может привести к очень интересному и не очень хорошему последствию. Каждый человек начнет зацикливаться в своем мировоззрении. Единожды поверив в какую-то идею, он и дальше от соцсети будет получать доказательства того, что он прав, и исключая необходимость общения, обсуждения. Т.е. идет такая радикализация мнения каждого человека, каждого по отдельности.

На самом деле, есть еще одна интересная вещь. Про Fake News все уже знают, и закон принят, и обсуждалось это уже даже на этих секциях, но я не знаю, все ли знают, что генерация Fake News — одна из задач, которая уже успешно решена с помощью искусственного интеллекта. Там человек-то, вообще говоря, и не нужен. Fake News замечательно генерируются, правдоподобно генерируются

искусственным интеллектом. Я говорил, что есть еще одно определение, которое мне ближе всего — что искусственный интеллект — это область, которая пытается имитировать, т.е. не искусственный интеллект, а имитация интеллекта, который пытается максимально правдоподобно имитировать деятельность человеческого интеллекта. А это очень важно, потому что в этой имитации мы получаем и эмоциональную привязанность, и эмоциональные зависимости человека от автора в лице искусственного лимитированного интеллекта.

Все это подводит к тому, что дальнейшее развитие искусственного интеллекта без внесения этических ограничений в то, что он делает — это путь в никуда. Было три закона робототехники, которые сформулировал еще Айзек Азимов, — наверное, все знают, я не буду зачитывать. Про то, что не должен искусственный интеллект либо робот причинять вред человеку. Но буквально недавно как раз в области автопилотов — совершенно практическая задача — возник вопрос: а как искусственный интеллект должен решать известную дилемму, проблему вагонетки. При самостоятельном управлении автомобилем рано или поздно возникнет ситуация, когда искусственный интеллект должен будет выбрать, кого убить, потому что вариантов хороших не будет.

MIT провел на эту тему социологическое исследование, потому что первая идея, которая пришла в голову: а не спросить ли у людей, как бы они поступили. И они выделили три такие большие категории стран по менталитету, которые различаются по паттернам того, как решить эту дилемму. Прямо в двух словах скажу, интересно, что если мы посмотрим, были восточные страны, где существенный приоритет дается тем, кто не нарушал правила. Т.е. важный вопрос: а кто нарушил правила, если такая ситуация возникла? Дави того, кто нарушил. Второй аспект — спасать надо пешеходов. Отдать приоритет спасению пешеходов ... там чаще всего идет речь о пассажирах, потому что очень часто вопрос — спасти пассажиров либо внешнего какого-то человека.

С точки зрения южных стран, например, вообще очень интересно — спасать надо в первую очередь людей с наиболее высоким социальным статусом, спасать надо женщин, и спасти нужно как можно больше. Т.е. если на одной чаше весов один, на другой — два, то спасай двух. На самом деле, Германия — единственная страна, которая организовала этический комитет по как раз поведению автотранспорта с автоматическим управлением. Там общая сентенция звучит так, что при таком выборе машина не имеет права руководствоваться вообще никакими персональными свойствами человека — ни возрастом, ничем. Интересно, что одним из наиболее правильных и этичных выходов здесь выглядит выбор чистого случая. Т.е. одно из решений — бросать кости. Каждый раз в такой ситуации машина вообще не должна принимать решение, она должна бросить кости.

Но этим не ограничивается вопрос этики. Это такой, может быть, очень яркий пример, действительно актуальный. Есть интересный вопрос этики функционального. Этика функционального связана с чем... Например, разработка чат-ботов. Нам, инженерам, чтобы разработать и обучить хороший чат-бот, нужно хотя бы иметь критерии того, что такое хороший чат-бот. Как понять, что этот чат-бот хорошо ведет разговор, а этот плохо? И у инженеров (Microsoft, кстати, по моему, это делал) возникла гениальная абсолютно догадка. Хороший критерий —

чем дольше человек общается с чат-ботом, тем лучше этот чат-бот. И с этим критерием чат-бот был запущен в общий доступ. Машина замечательно решила оптимизационную задачу и заодно подтвердила один интересный тезис — самый длинный и вовлеченный разговор с человеком возникает тогда, когда ты его оскорбляешь. Машина быстро превратилась в расиста... не только расиста. На самом деле, на что нельзя давить, она отлично давила, она обучилась этому из других чатов, и получился отличный чат-бот, который очень долго держал беседу с человеком, объясняя ему, кто он и где его место. Там, по-моему, через сутки ее отключили. Т.е. суток хватило машине, чтобы переварить это, и ее вынуждены были выключить на этом.

Но есть и еще интересная вещь — это гонка вооружений такая в области искусственного интеллекта. Один из примеров для научной среды довольно известный — антиплагиат. Как только появился критерий, что работы должны проходить антиплагиат, так тут же появилось решение, в т.ч. в области искусственного интеллекта, которое генерирует новый текст, осмысленный или не очень для человека, но, по крайней мере, похожий на то, что надо, но совершенно уникальный для антиплагиатов. Но есть гонка вооружений и в таком более интересном смысле слова. Здесь картинки — вот это панда, и машина отлично опознает его как панду. Теперь мы специальным образом генерируем шум, довольно простой, и вот изображение, которое в итоге получилось. Кто на этом изображении? — панда. Но с точки зрения нейросети, машины, которая ее распознает, это уже 100% ящерица, 99,3%. Незаметно для человеческого глаза внесено изменение.

Ладно, это смешно в случае с пандой, но надо понимать, что сейчас очень активно используется тема алгоритма распознавания изображений в медицинских целях — при распознавании опухолей и т.д., там, где нужно обработать картинку. Простое направленное воздействие на эту систему может привести к массовым неверным диагнозам. Это один из примеров. Я не буду брать многие другие, но это, как всегда, дилемма копы и щита: как только будет появляться щит, будет появляться копьё, которое будет его пробивать. И это все, конечно, требует очень серьезного внесения именно вопросов этики в поведение, и какие ограничения должны быть заданы для искусственного интеллекта с точки зрения этических норм и ограничений.

Есть еще одна проблема, о которой Александр бы не стал говорить, а я скажу, потому что здесь есть его компания. Дело в том, что есть девять компаний во всем мире, которые владеют, именно владеют, большинством алгоритмов и большинством действующих искусственных интеллектов, наиболее успешных. И по мере дальнейшего проникновения конфликты, связанные с тем, что мы этот искусственный интеллект начинаем потихонечку субъективировать, мы начинаем к нему испытывать какие-то эмоции, а на самом деле это частная собственность — этот конфликт будет только нарастать. К чему он дальше приведет, непонятно.

В качестве двух слайдов, в заключение. Первое. Не могу не привести цитату из Баумана, как раз книга последняя — «Ретротопия», которая представляется сейчас на этой конференции, о том, что люди стали по-другому понимать прогресс. Прогресс стал восприниматься все чаще не как нечто хорошее и избавление от рутины, а как нечто непонятное, неуправляемое и, вообще говоря,

потенциальная угроза. Я не буду все зачитывать. Но что интересно, что не только Зигмунт Бауман как социолог, но и небезызвестная личность — Билл Гейтс, буквально недавно, выступая в Стэнфорде, сказал примерно то же самое. Он сказал, что мы не понимаем, насколько непрозрачная история с развитием технологии искусственного интеллекта. Он сравнил его с разработкой ядерного оружия, где тоже есть свои позитивные моменты, но без контроля, собственно говоря, негативных будет намного больше.

И в качестве такого послесловия и манифеста, но получилось от меня одного, я хотел Александра сагитировать к нему присоединиться. Сейчас получается очень смешная история — искусственный интеллект в основном изучают те, кто его создает. Это как если бы человека изучали только физиологи, которые знают, и то примерно, как все устроено внутри. Я считаю, что искусственный интеллект должен стать действительно серьезной областью междисциплинарного знания — и социологического в одну из первых очередей, я бы сказал. Там есть о чем и юристам подумать, и много кому, но социологам в первую очередь. Я призываю вас всех вступить в эту дискуссию и в изучение. Спасибо.

Модератор: Спасибо! У нас последний доклад — «Постинженерное мышление». Роман Романов, политконсультант из Санкт-Петербурга, активно использующий разные методы современных технологий в своей работе. И он расскажет о том, как это все получается в повседневной нашей реальности, в электоральных и выборных процессах.

Романов Роман: Добрый день, коллеги. Приятно, что меня все-таки не забыли. Скажите для начала, есть ли в аудитории люди, которые в курсе, что такое Warhammer 40,000, хотя бы приблизительно? Для вас будет небольшой сюрприз в конце. Для начала хотелось бы заявить свою позицию по обсуждающимся здесь вопросам, потому что всегда нужно понимать, кто конкретно говорит. И вот сейчас я говорю с позиции человека, который считает, что без социальной инженерии люди не придут на работу, хлеб не вырастет, и вообще — наступит полный коллапс. Поэтому социальная инженерия, конечно же, нам абсолютно необходима.

Кроме того, когда мы говорим о социальной инженерии как о чем-то, что сводится к искусственному интеллекту, мы немножко сужаем область наших рассуждений, потому что искусственный интеллект крайне важен в разговоре о нечеловеческой социологии и об отношениях между людьми и вещами. Я не буду читать свои слайды, я буду что-то из них комментировать. Вот, пожалуйста, определение «социальная инженерия», которого я, собственно, придерживаюсь. Оно идет от отца современной пропаганды Эдварда Бернейса, с небольшими дополнениями. Я постараюсь немножко перевести вас в сторону и чуть приземлить, потому что когда мы говорим о роботах, об искусственном интеллекте, о чат-ботах, это совершенно прекрасно, но в целом современная социология и современная жизнь входят в довольно плотные гибридные отношения людей, вещей, организаций и всяких материально-технических приспособлений. И это далеко не только искусственный интеллект, а несколько более сложная сборка. И как устроены такие сложные сборки, я, собственно, и хочу показать.

Несколько поправок к определению Бернейса, которые я добавил от себя. И хочется здесь обратить внимание на третий путь. Здесь сегодня много говорилось о том, как искусственный интеллект воздействует на наше сознание, как это страшно. Мне хочется сказать, уважаемые коллеги (наверное, с позиции скорее социального инженера, чем социолога, но я социолог в базе), что на самом деле ваше сознание никому особо не интересно. Оно интересно вашему мужу, жене, вашей маме и вашему психотерапевту, а социальному инженеру интересно, чтобы менялось ваше поведение. И вот сознание — это просто способ достучаться до изменения вашего поведения. Если мы найдем другие способы изменить ваше поведение, то сознание ваше останется нетронутым.

Модератор: Оптимистично.

Романов Роман: Ели мы будем говорить, дорогие коллеги, о том, какие же сборки в современном мире мы видим перед собой, то мне хотелось бы в качестве примера чего-то другого, чего-то более сложного, чем просто комбинация человека и искусственного интеллекта, композиционно более сложного, я имею в виду, привести в пример электоральные кампании. Когда я стал заниматься электоральными кампаниями, я попытался каким-то образом понять, а как я, используя свой социологический инструментарий, могу описать то, что я вижу перед собой? Теория организации — да, наверное, как-то она работает, но чуть-чуть. Теория систем — да, наверное, как-то работает, но чуть-чуть. Теория малых групп — да, наверное, как-то работает, но чуть-чуть. Специальные политологические теории — то же самое. В конце концов я познакомился с теорией ассамбляжей, и действительно: электоральная кампания — это ассамбляж в духе Делёза, Латура и Де Ланда. Т.е. конструкция, в которой специфическим образом связаны вещи. Обычно связаны вещи, явления, люди и процессы, которые в рутинной повседневной жизни никогда не связаны друг с другом или связаны друг с другом каким-то другим образом. Или они взаимодействуют как-то не так. Технолог, работая с процессами, занимается созданием ассамбляжей, сборок, соединяя несоединимое, и наиболее точный образ, наиболее точная метафора электоральной кампании — это машина Голдберга. Вы видели, в мультфильмах часто это показывают, когда что-то бьет что-то, что-то катится куда-то, и в итоге оно производит свое некое простое действие. Причем все вещи, которые в этой машине Голдберга изображены, они не предназначены для того, чтобы быть связанными друг с другом. В избирательной кампании происходит то же самое. И мы сейчас перейдем к теме нечеловеческой социологии.

Я выделил на слайде четыре основных направления, которые существуют в любой электоральной кампании. Когда их описывают социологи, они описывают преимущественно смыслы. Они говорят: «Вот, была такая-то концепция», «Вот, была такая-то стратегия», «Вот, мы придумали такие-то смыслы, которые надо транслировать». Между тем, мало кто из аналитиков понимает (зато это понимает любой управленец), что каждое из этих направлений (я потом могу раскрыть, к чему оно сводится) соединяет в себе как минимум три компонента — это смысловая, человеческая и материально-техническая составляющая. Это касается и агитации, это касается и полевого направления, работы с органами власти, и есть четвертый пункт — это непредвиденные факторы, о которых я тоже

расскажу. В организации политических процессов постоянно соединяются люди, их действия, материально-технические механизмы, софтверные решения. Т.е. вот вам, пожалуйста, простой пример: приходит во время кампании задача выставить на участки — кто-то сказал бы людей, но на самом деле, это не люди — выставить на участки наблюдателей в виде гибридных существ, т.е. людей со смартфонами. Когда вы берете свой смартфон, вы являетесь самым настоящим гибридным существом, потому что совершенно непонятно, где вы находитесь — офлайн или онлайн, где проходит граница между человеком и смартфоном. А когда вы смотрите в него постоянно, вы гибридируете совершенно точно. Вы так же, как водитель в автомобиле, вы неотделимы от этого аппарата

И вот нам нужно было в регионе выставить на участки тысячу наблюдателей, которые были бы способны гибридизировать со смартфоном таким образом, чтобы поставить на него приложение, работать в этом приложении в течение суток. Эта задача оказалась нерешаемой. Мы, путем длинных переговоров, смогли сократить это число до 300. Т.е. тысячу людей, способных на такое действие, мы не нашли, и это не глухой деревенский уголок (я не могу назвать регион). Почему я говорю об этом? Я говорю об этом, потому что когда мы сейчас рассказываем о чат-ботах, об искусственном интеллекте и т.д., мы должны понимать, что в мире существует, и в России, в частности, существует очень высокое цифровое неравенство. Высокие точки цифровой насыщенности сочетаются с абсолютно аналоговыми вещами. Коллеги, есть места, куда не добивает телевидение. Когда мы говорим, что ВГТРК зомбирует всех, я вам покажу очень много мест нашей России, куда даже ВГТРК не добивает. И ты можешь достучаться до людей, живущих там, только запустив к ним живого агитатора с бумажной газетой.

Или, например, пункт четвертый — учет непредвиденных материальных факторов. Да, конечно, искусственный интеллект — это очень важно, но в какой-то момент, когда социальный инженер должен, выстраивая электоральную кампанию, привести население определенного региона в определенный день на участки, т.е. привести их к совершению простого действия, в какой-то момент в этом регионе начинает лететь гусь. А регион охотничий. И все боятся, что в день голосования люди не войдут в гибридные отношения с избирательным бюллетенем, а они войдут в гибридное отношение с ружьем и с охотой на гуся. И ничего невозможно с этим поделать, нам не поможет чат-бот, нам не поможет искусственный интеллект. Если губернатор этого региона сказал: «Хотите, я своим указом перенесу пролет гуся?». Мы пытались ему объяснить, что даже если это случится, то просто будет массовое браконьерство. Или в Сибири у моих коллег на кампании люди снимаются за три дня до голосования копать картошку, потому что это их рутина. Соответственно, от губернатора до последнего агитатора — все едут копать картошку, или сажать картошку, я сейчас уже не помню.

Коллеги, вот эти истории подводят меня к выводу, который написан на этом слайде жирным. Да, действительно существует определенное разделение между естественным и искусственным, как между техническим и чем-то там природным, как между человеческим и природным. Объектно ориентированная социология в последние годы очень много работает над тем, чтобы это разделение снять. Но для людей, которые занимаются политическими процессами, появляется другое

разделение, другой принцип деления на естественное и искусственное. Естественное — это рутинное, это то, что вошло в вашу привычку и воспроизводится day by day постоянно. Искусственное — это все другие формы отхода от рутины.

Или, например, солнце. Мы сейчас с вами много слышим, много читаем о том, как управление, Fake News, разного рода подбор новостей помогает управлять человеческим выбором. И действительно, роль разного рода софтверных решений в управлении электоральными процессами будет расти. Но в то же самое время я могу сказать, что и наша команда, и многие другие команды, которые мне известны, часто попадают в другие ситуации, потому что появление софтверных решений в электоральных процессах — это часто предмет административной игры. Т.е. ты понимаешь, что какие-то люди где-то взяли контракт и пришли навязывать тебе свое софтверное решение, и ты все свои базы данных, все свои контакты, всю структуру своей кампании должен загрузить в облако, которое контролируешь не ты. Это совершенно невыгодно ни одной команде, которая занимается выборами. И мы на ряде кампаний прилагали серьезные усилия, чтобы не использовать софтверные решения, по крайней мере, чужие софтверные решения, а использовать только те, которые разработали наши, контролируемые нами люди. Потому что мы не хотели упускать контроль кампаний из своих рук.

И, понимаете, коллеги, когда ты читаешь социологическую, политологическую аналитику, то смысловая компонента любых политических процессов становится абсолютно понятна. Но становится совершенно непонятно, как соединять, т.е. как воплощать эти смысловые решения в материальную жизнь. Потому что для того, чтобы реализовалась стратегия, должны быть сняты помещения, должны быть написаны программы, должны поехать машины, должны заработать организации — и все это вместе должно быть связано в единую машину Голдберга каким-то образом. Социология современная не обладает достаточно точным материалом для того, чтобы анализировать эти процессы. У нас оптики такой просто нет.

И мне хочется сказать, что в этом смысле, конечно, мы очень нуждаемся, и мы постепенно переходим, к новому типу инженерного мышления, которое я называю постинженерным мышлением. И вот примерно его характеристики. Если инженерное мышление 1.0 — это классическое инженерное мышление, это то, о чем писал когда-то Жюль Верн, это XIX век, это работа с техническими приспособлениями и системами. В XX веке появляется инженерное мышление 2.0. Это работа с пользовательским опытом, то, что знакомо любому человеку, который работает с софтом. Ты создаешь какие-то технические системы, учитывая, каким образом в них будет встроен опыт пользователя, какой опыт испытает пользователь, обращаясь к этим софтверным решениям.

И инженерное мышление 3.0 — это умение работать, это инженерное мышление XXI века. Это умение работать социотехническими ассамбляжами в условиях нестабильности. Это можно показать на уровне метафор, и это мой последний слайд. Классический инженер и классический социальный инженер, о которых здесь все сегодня рассказывали. Это герой Жюль Верна — Сайрус Смит, «Таинственный остров». Люди из ничего построили себе цивилизацию, умея

прилагать каким-то образом высокие научные принципы к конкретным прикладным решениям.

И вторая картинка, в меньшей степени знакомая вам. Люди, кто поднимали руки, когда я спрашивал про Warhammer, вы узнаете. Это орк-механик из сеттинга компьютерной игры Warhammer... из мира Warhammer 40,000. Орки-механики умеют — причем генетически — создавать сложные технические решения в условиях крайней нестабильности, которые выглядят как набор грубо скрученных между собой вещей, которые у другого человека никогда бы не работали. Они красят машины в красный цвет, потому что считают, что красные машины ездят быстрее, и в этом мире они ездят быстрее. Они связывают между собой проволокой две каких-то непонятных штуки, и эта штука стреляет. Почему эта штука стреляет, и почему красная машина едет быстрее, ни один пост-инженер не ответит никогда, но так, тем не менее, происходит. И никто из ученых в этом мире объяснить, почему так происходит, не может. Наверное, потому что они верят, что так должно происходить.

И вот: мы нуждаемся, и появляется новое поколение инженеров, пост-инженеров, которые будут уметь работать в условиях крайней нестабильности, а наш мир совершенно нестабилен; которые могут совершать сложные сборки. А если кто-то здесь боится, что мы окажемся в мире тотальной манипуляции, контроля, подавления сознания и т.д., то мне здесь хочется напомнить о словах Мишеля де Серто, и обратиться к его работам, он очень много показывал, что любая стратегия, которая навязана или которая транслируется социальными инженерами, властью, кем угодно еще, любая стратегия натывается на тактику пользователей, которые ищут слабости, ищут кротовые норы, ищут нетрадиционные ходы использования любых технических решений и используют то, что им предложили извне, по-своему. И именно в таком взаимодействии, в попытках, с одной стороны, направить массы людей к некой исходной точке, а с другой стороны, с инерцией сознательного желания в эту точку направляться, и вырастает какая-то социальная стабильность. Именно здесь она появляется. Спасибо, уважаемые коллеги.

Модератор: Спасибо большое за доклад. Я думаю, у нас есть несколько минут на вопросы. И вопросы, я видела, были в зале. Так что подходите, пожалуйста, чтобы можно было говорить в микрофон.

Реплика из зала: Уважаемые коллеги. У меня вопросы к старшему поколению студентов. Кто-нибудь знает работы Эвальда Васильевича Ильенкова «Об идолах и идеалах»? Замечательно. Но тогда уже есть ответ, что вот эти вопросы, которые сегодня социологи в страхе задают себе об искусственном, естественном интеллекте, социальной инженерии, были поставлены и **ответены** тогда, когда Лем писал свои работы, когда думали о том, что же будет с кибернетикой, что будет с искусственным интеллектом.

И кто-нибудь читал экономические рукописи Маркса 1957-1959 годов, где он говорит о трех типах социальной связи? Первая — это личная зависимость, род, племя и т.д.; вторая — личная независимость, но вещная зависимость — это капитализм; и третья — это свободная индивидуальность. И вот тот прекрасный пример, который привел наш коллега Олег Грешнев, вот это страх, что девять компаний, плюс три в Китае владеют тем, что сегодня есть этот мир

искусственной социальности. Надежда на что? На то, что эта эпоха свободной социальности, свободной индивидуальности, предложенной интернетом, и, соответственно, человеческая природа, понята Марксом не так, как коллега преподнес... Что такое человеческая природа? Или что есть сущность человека? Это не есть абстракт, присущий отдельному человеку, а есть ансамбль общественных отношений. И там же заложена этика. И вот надежда на то, что у этих хозяев девяти компаний, и у нас как у пользователей заложены естественные человеческие этические принципы, и спасают мир. И в этом смысле бояться искусственной инженерии — последний коллега, Романов, тоже сказал. А тактика есть, есть метод избегания тотального контроля — это уже сегодня есть и у молодежи, и у нас. День, свободный от гаджетов; день, свободный от социальных сетей; день, свободный от навязанного мира. Спасибо. Тема была интересная. Самое главное, что были поставлены интересные вопросы, над которыми мы будем думать до следующей Грушинской конференции.

Модератор: Спасибо. Интересный комментарий.

Реплика из зала: Я боюсь, что меня здесь побьют, потому что у меня два вопроса. Во-первых, если мир не искусственный, все, что вы говорили про этот Санкт-Петербург, любой город со зданий искусственный, вы ребенка воспитываете в искусственной среде, это все искусственная среда, по большому счету. Тогда, может быть, не стоит бояться вообще? Считаю, надо убрать из названия «искусственный». Точно так же, а был ли мир человеческий? Судя по вашему докладу, и докладу всех остальных, мы еще не вышли на человеческий уровень развития, **если уж тут Маркса ориентируют**. И выйдем ли, тоже большой вопрос. Никто здесь не боится. Это у меня как бы реплика такая.

Вопрос к уважаемой Ольге Константиновне. Рассматриваете ли Вы динамику, чтобы были исследования? Меня прикладное интересует значение. Переход, скажем так, из аутизма такого реального к социальному аутизму. И не будет ли развитие этих наших прекрасных роботов тоже самоспасением? Потому что тоже ничего нового. Мы сейчас одушевляем машины, мы одушевляем мотоциклы, компьютеры одушевляем. Просто новая стадия одушевления, поскольку мы не можем нормально друг с другом общаться, нам нужен тот, кто нас будет понимать, тогда мы будем счастливы. Не рассматриваете ли Вы это развитие как перспективы? Спасибо.

Крокинская Ольга: Я могу сказать, спасибо за вопрос. Замечательно. Конечно, эти варианты просматриваются. Но я не могу сказать, что есть какие-то уже конкретные результаты. Был такой очевидный всплеск интереса именно к робототехнике социальной, и сейчас он, конечно, явно переходит в область искусственного интеллекта, и все понимают, вот этот всплеск, он угас. Поэтому исследования немножко затормозились в смысле социального аутизма.

Модератор: Спасибо. Еще вопросы?

Реплика из зала: Я бы хотел последнего выступающего поддержать — из какой позиции ты тут выступаешь. Я бы все-таки хотел остаться на позиции социолога и полевого исследователя. Суть нашей работы — в том числе пересмотр настоящих представлений в свете новых фактов. Т.е. наша задача — собирать новые факты, и искусственный интеллект дает очень большое поле для сбора таких фактов. И вот в этом плане соединение инженеров с социологами —

дело хорошее, я не против. Но представьте себе самолет-амфибию, он как бы и летает, и плавает, но и то, и другое делает плохо, по своей природе.

Поэтому, оставаясь все-таки в рамках некой дисциплины, надо понимать, вообще, что происходит. Потому что основной вопрос социологии, когда говорят «нечеловеческая социология», но основной вопрос человеческой социологии: как возможно общество? Стало быть, логика говорит, что тогда дискуссия должна быть: как возможно нечеловеческое общество? И в этом плане я бы хотел задать вот какой вопрос: а действительно ли мы можем увидеть паттерны нечеловеческого поведения в общении? Т.е. вот как Олег, как Вы сказали, да, это нечто, которое играло в Go, оно сделала нечеловеческий ход. А здесь, есть ли вообще какое-то...

Грешнев Олег: Она впервые сделала особый человеческий ход.

Реплика из зала: Да, или особый человеческий... Я не знаю. Вот Олег сказал, что новый, да. А вот есть ли у нас что-то новое. Потому что если оставаться в социологической парадигме, Зиммеля возьмем, есть так называемые чистые формы. В принципе, есть спор, есть дискуссия, есть всякие коммуникации и их ограниченное количество. Вы можете потом назвать это интервью, фокус-группа, но суть не меняется — чистые формы. Дают ли вот эти коммуникации нечто, что нельзя свести к этим чистым формам? Это у меня первый вопрос.

А второй вопрос связан вот с чем. К моему удивлению, социальная инженерия почему-то не упоминает Майкла Буравого с его публичной социологией как возвращением знаний социума обратно в социум. Вроде бы, раньше были какие-то исключения, сейчас что-то пропали. Спасибо.

Модератор: Есть ли вопросы среди вопросов к нашим участникам? Кто готов ответить?

Реплика из зала: Что касается того, как изменяется общение. Приведу пример с шахматистами. Недавно был Чемпионат мира, и комментаторы, которые комментировали то, как шахматисты играют в шахматы, говорили, что они стали играть как компьютеры, и это правда. И сейчас выигрывают те шахматисты, которые в большей степени играют, как компьютеры. Это показывает то, что вот в этой конкретной сфере, в которой искусственный интеллект развивается уже давно, сама сущность общения, а в данном случае общение — это игра, она меняется. Что будет дальше с развитием интернета и этих самых алгоритмов — открытый вопрос.

Реплика из зала: Меняется сама коммуникация. Межличностная коммуникация, она же уходит вообще практически. И мы уже сейчас наблюдаем, что люди взаимодействуют друг с другом, даже свидания как проходят, обратите внимание, в кафе можно посмотреть. Молодая пара, юноша и девушка, находятся абсолютно все в системе интернет-коммуникаций. И у меня иногда создается впечатление, что они даже друг с другом могут так общаться. Т.е. они не принимают какие-то сообщения из внешней среды, это вполне вероятно, такая виртуальная коммуникация, которая проходит сейчас. Конечно, она изменяется.

Модератор: Их гаджеты всю ночь находились в одной соте, да? И это любовь.

Реплика из зала: Вы знаете, конечно, форма — это очень важно. Я во многом разделяю вашу позицию. Но война, например, при помощи китовой фаланги и война при помощи танковых атак — это все-таки немножко разные войны и немножко разные формы общения, да? Поэтому сейчас, когда мы говорим о человеческом и нечеловеческом, я вот эту тему продолжу, надо понимать, что мы действительно входим в гибридные отношения, когда одно не очень сильно отделяется от другого. И вот последствия этой гибридности хочется понимать.

Например, мы совершенно точно уже понимаем, что если вы очень много общаетесь в соцсетях, то меняется ваш язык. И мы не точно, например, понимаем, а как меняется ваша воля? Этот пример сродни психологу, скорее. Как меняется ваша память? Потому что есть такой эффект, я его называю эффект вытесненной памяти, когда вам нужно меньше оперативно запоминать, и это будет иметь долгосрочные последствия, мы их еще меньше себе представляем. Поэтому я бы не пытался отделить одно от другого, а пытался бы, как социолог, анализировать, что приносит эта гибридность и как она меняет наш способ взаимодействия друг с другом и с искусственным интеллектом.

Реплика из зала: Можно одно слово добавить? Как раз по поводу психологических вещей. Я читала исследование, идея там такова. Человек может знать в лицо 100-150 человек, это максимальный размер деревни, где все знают друг друга. Но в социальных сетях у нас 700 друзей, и к информации о каждом из этих 700 друзей мы можем обратиться в любой момент. Получается, что наши социальные способности увеличиваются. Но они увеличиваются именно этими приложениями. И вопрос, будет ли это как-то влиять на нашу социальную жизнь, потому что эта вещь, она биологически, она принципиально важна, и она меняется. Как много людей мы можем знать.

Модератор: Усиление не только интеллекта, но и социальных возможностей. Какие-то вопросы есть еще в зале? Тогда у меня краткое объявление. Официальный Telegram-канал и «Российская исследовательская неделя» на Research Week ведут текстовые трансляции мероприятий творческой конференции, тезисы докладчиков, самые интересные социологические данные, экспозивные слайды — все там. И главное, конкурс. В этом году оргкомитет решил провести еще два конкурса с ценными призами для всех подписчиков и посетителей Грушинской конференции и других мероприятий недели на своих страницах «ВКонтакте» и Instagram. Любой подписчик может принять участие и выиграть профессиональную литературу или образовательный курс. Пожалуйста, не пропустите такую возможность. Удачи! Спасибо за внимание.